

УДК 316.455

DOI: 10.17223/1998863X/60/14

В.А. Прохода

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ И СТРАТЕГИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Анализируются результаты межстранового социологического исследования. Выявлены установки населения России и других европейских государств по отношению к мигрантам. Отмечается, что среди россиян по сравнению с большинством европейских стран широко распространено негативное отношение к мигрантам. Определены предпочтительные для принимающего сообщества стратегии межкультурного взаимодействия. Угроза культуре коренного населения рассмотрена как детерминанта отношения населения к мигрантам.

Ключевые слова: миграция, мигранты, отношение к мигрантам, стратегии межкультурного взаимодействия.

Введение

Миграция является фундаментальным демографическим механизмом [1], одним из важных факторов формирования демографического потенциала [2]. Выполняя ряд важных функций, связанных с компенсацией демографических потерь, восполнением недостатка рабочей силы, корректировкой дисбаланса на рынке труда, активизацией социально-культурного обмена и другими факторами [3], миграция одновременно актуализирует обеспечение национальной и международной безопасности [4–7], детерминируя ряд угроз и рисков – обострение безработицы, криминализацию экономики, рост преступности, нарастание угрозы терроризма, деформацию ценностей коренного населения, распространение заболеваний и др.

В Европе проблемы, связанные с миграцией, приобрели значительные масштабы и обострились с 2015 г., что связано с неготовностью многих европейских стран к приему и перераспределению резко увеличившегося числа мигрантов с Ближнего Востока, из Северной Африки и Южной Азии. Миграционные потоки нацеливались на наиболее экономически развитые государства Европы, однако в условиях тесного взаимодействия социально-экономических и политических институтов, открытых внутренних границ затронули много стран, спровоцировав европейский миграционный кризис. Пик кризиса пришелся на 2015 г., когда, по данным Европейской службы пограничной и береговой охраны, было выявлено более 1 млн 822 тыс. случаев незаконного пересечения внешних границ [8. Р. 16]. Цифра является абсолютным максимумом для Европейского союза и существенно превышает показатели предыдущих лет. Россию европейский миграционный кризис практически не затронул [9]¹.

¹ В России ситуация с миграцией по масштабам существенно отличается от европейской. По данным Росстата, в 2005–2017 гг. наблюдается рост основных показателей миграции, однако при этом после 2011 г. фиксируется сокращение прироста внешней (межгосударственной) миграции. Снижение миграционной привлекательности связано с социально-экономической ситуацией в стране, в том числе с кризисными явлениями в экономике.

Осложняющим фактором является не только скачкообразное увеличение численности мигрантов, но и наличие глубоких социокультурных различий с принимающим сообществом. В качестве нелегальных мигрантов в 2015 г. чаще всего фигурировали выходцы из бедных стран, расположенных за пределами культурного поля Европы, – Сирии (594 059 случаев пересечения), Афганистана (267 485), Ирака (101 275), Пакистана (43 310), Эритреи (40 349), Нигерии (23 605), Гамбии (8 874) [8. Р. 47].

Успех адаптации во многом зависит не только от самих мигрантов, но и от отношения коренного населения, обуславливающего готовность к приему. Исследователи отмечают, что установки принимающего сообщества могут производить эффект бумеранга – мигранты бессознательно воспроизводят паттерны, ожидаемые от них коренным населением [10. С. 74]. Освещение миграционного кризиса характеризуется большим потоком медийной информации. Однако миграционная тематика в российском дискурсе крайне политизирована [11], что чревато смещениями и искажениями информации. На таком фоне представляется целесообразным обратиться к материалам авторитетного сравнительного социологического проекта. Попутно отметим определенный дефицит современных исследований, базирующихся на данных межстрановых сравнительных социологических опросов.

Целью исследования является выявление установок по отношению к мигрантам населения России и других европейских стран, определение предпочтительных для принимающего сообщества стратегий межкультурного взаимодействия.

Методология исследования

Концептуальной основой исследования выступает теория комплексной угрозы (*integrated threat theory*, теория межгрупповых угроз), описывающая основные компоненты воспринимаемой угрозы, приводящие к предубеждениям между социальными группами [12], в частности между коренным населением и мигрантами. Предполагается, что представители принимающего сообщества выражают негативное отношение к тем группам, которые представляют для них угрозу. У. Стефан и К. Ренфро выделяют реальные (*realistic threats*) и символические угрозы (*symbolic threats*) [13]. Под первым типом понимаются угрозы физическому и материальному благополучию, угрозы существованию группы. Символическая угроза – восприятие того, что внешняя группа угрожает образу жизни, ценностям, верованиям, установкам принимающего сообщества. Результаты эмпирических исследований показывают, что идеология мультикультурализма и низкий уровень воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов связаны с позитивным отношением к ним [14].

Актуальность воспринимаемой угрозы зависит от ряда факторов: групповой идентичности, уровня информированности, наличия конфликтов в прошлом, а также наличия контактов между социальными группами и др. [10, 12]. Теория контакта постулирует, что взаимодействие между представителями разных социальных групп способствует ослаблению негативных стереотипов [15, 16]. При этом к условиям оптимального контакта, способствующим снижению предрассудков, относятся поддержка интеграции, сотрудничество между представителями разных групп, институциональная приемлемость контакта [17. С. 191].

Методика и инструментарий исследования

Публикация базируется на вторичном анализе материалов второго релиза пятой волны межстранового социологического исследования «Европейское исследование ценностей» (European Values Study, EVS)¹, проведенного в 2017 г. В публикации анализируются данные по 27 странам. Азербайджан, Армения и Грузия географически расположены в Азии, поэтому не представлены в анализе.

При обработке первичной социологической информации использован факторный и корреляционный анализ. Из базы данных EVS-2017 были взяты для обработки ответы респондентов на пять вопросов (табл. 1).

Таблица 1. Вопросы анкеты и результаты факторного анализа

	Вопрос	Факторные нагрузки
Факторный анализ*	Q 51. Теперь мне хотелось бы узнать Ваше мнение об иммигрантах, т.е. о людях из других стран, которые переезжают жить в нашу страну. Какое влияние, на Ваш взгляд, эти люди оказывают на развитие страны? (Шкала ответов от 1 до 5: «1» означает «Очень плохое», а «5» – «Очень хорошее»)	0,75
	Q 52A. Посмотрите на утверждения на концах шкалы на этой карточке и скажите, куда бы Вы поместили Вашу точку зрения на этой шкале? «1» означает, что Вы полностью согласны с утверждением слева, «10» означает, что Вы полностью согласны с утверждением справа. Вы можете также выбрать любое число между ними. Куда бы Вы поместили свое мнение на этой шкале? (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	0,75
	Иммигранты отнимают рабочие места у коренного населения	
	Иммигранты не отнимают рабочие места у коренного населения	
	Q 52B. Куда бы Вы поместили свое мнение на этой шкале? (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	0,85
	Иммигранты способствуют увеличению уровня преступности	
	Иммигранты не способствуют увеличению уровня преступности	
	Q 52C. Куда бы Вы поместили свое мнение на этой шкале? (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	0,85
	Иммигранты являются бременем для национальной системы социального обеспечения	
	Иммигранты не являются бременем для национальной системы социального обеспечения	
	Q 52D. Куда бы Вы поместили свое мнение на этой шкале? (Шкала ответов от 1 до 10) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
	Для общества было бы лучше, если бы иммигранты сохраняли свои обычаи и традиции	
	Для общества было бы лучше, если бы иммигранты не придерживались своих обычаев и традиций	

* Анализ методом главных компонент; извлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера – Мейера – Олкина = 0,78; объясняемая дисперсия = 64,8%.

¹ «Европейское исследование ценностей» – проект, в рамках которого с 1981 г. регулярно проводится сравнительное изучение убеждений, предпочтений, ценностей населения европейских стран. Опрашиваются респонденты в возрасте 18 лет и старше по репрезентирующей население страны случайной выборке. Метод сбора первичной социологической информации – формализованное личное интервью (face-to-face). В 2017 г. впервые ряд стран осуществил сбор данных в смешанном режиме с дополнительным использованием онлайн-опроса. (Подробнее см.: <https://www.gesis.org/en/services/data-analysis/international-survey-programs/european-values-study/>.) В России опрос проведен ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре–декабре 2017 г., размер выборки – 1 825 респондентов.

Установки населения по отношению к мигрантам

Для выявления латентной переменной, характеризующей отношение респондентов к мигрантам, использовалась процедура факторного анализа. Поиск оптимального факторного решения проводился по различным наборам переменных (вопросов анкеты). Рассчитанный интегративный показатель (фактор), интерпретируемый как «отношение населения к мигрантам», включил в себя с высокими нагрузками четыре переменные – вопросы анкеты: Q 51, Q 52A, Q 52B, Q 52C (см. табл. 1). Проведенное факторное сравнение показало, что структура факторного решения идентична для национальных выборок. Чем больше значение по фактору, тем лучше респонденты относятся к иммигрантам. Иными словами, тем больше представители принимающего сообщества убеждены в позитивном влиянии мигрантов на развитие страны, согласны с тем, что иммигранты не являются источником экономической и физической угрозы.

Далее европейские страны были ранжированы по среднему значению фактора – чем лучше отношение населения страны к мигрантам, тем больше ее ранг. Расположение стран в соответствии с их рангами в системе координат от негативного до позитивного «отношения населения к мигрантам» представлено на рис. 1.

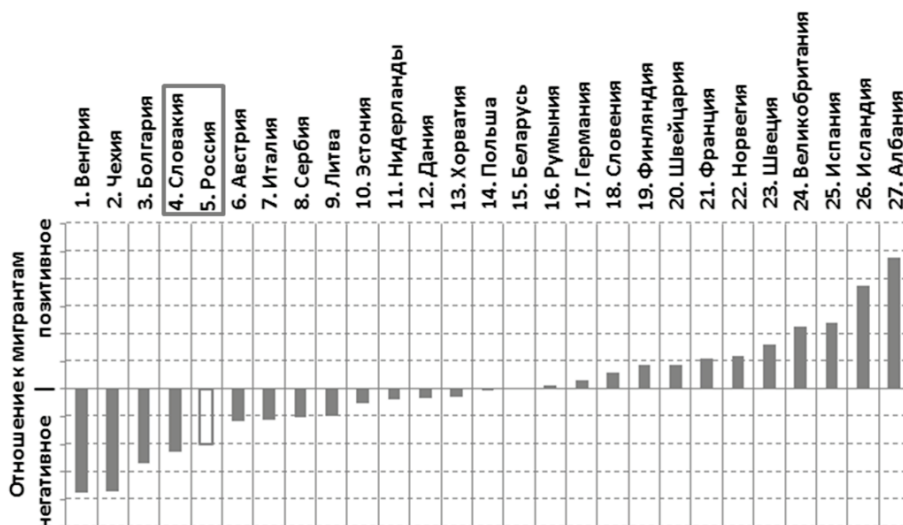

Рис. 1. Отношение жителей России и других европейских стран к мигрантам (ранжирование стран в порядке возрастания среднего значения фактора). Рамкой отмечена Словакия, где среднее значение фактора статистически значимо не отличается от России

Европейские страны оказались весьма дифференцированы по рассматриваемой характеристике. На общем фоне высоким оптимизмом отличаются оценки респондентов из Албании (ранг = 27). Отметим, что страна не пользуется популярностью у мигрантов, поскольку характеризуется низким уровнем жизни и высоким уровнем преступности [18]. В Албании фиксируется одна из самых низких в Европе (наряду с Молдавией и Украиной) средняя месячная заработная плата [19]. Позитивное отношение отчасти связано и с тем, что албанцы сами в существенной степени являются трудовыми мигрантами.

В стране широкое распространение получила краткосрочная и сезонная и миграция в Грецию и Италию [20. С. 108]. При этом на официальном уровне все чаще декларируется озабоченность нехваткой человеческих ресурсов и целесообразность привлечения мигрантов в страну [21].

Выраженное позитивное отношение к мигрантам жителей Исландии (ранг = 26) во многом связано с географическим положением государства, находящегося далеко от материка у полярного круга. Это является естественным препятствием для большого миграционного прироста. Так, в момент пика миграционного кризиса (2015 г.) в Исландии было зафиксировано лишь 370 заявлений на получение убежища [22]. При этом население страны нельзя отнести к явным сторонникам сохранения культурного многообразия.

Испания (ранг = 25) как часть миграционного маршрута становится популярной только с 2018 г., что связывают с ужесточением контроля над границей между Ливией и Италией. В целом можно констатировать, что население Албании, Исландии и Испании фактически не сталкивается с масштабным проявлением негативных эффектов миграции.

Такие государства, как Великобритания (ранг = 24), Швеция (ранг = 23), Норвегия (ранг = 22), Франция (ранг = 21), принимают сравнительно большие миграционные потоки и имеют серьезный опыт приема иммигрантов. Здесь в терминах теории имеют место реальный контакт между группами и высокий уровень знаний о членах аутгрупп [10. С. 78]. Позитивные установки населения позволяют констатировать, что используемые в этих странах механизмы приема мигрантов достаточно эффективны, а условия межгруппового контакта близки к оптимальным.

В левой части рис. 1 расположились страны, население которых демонстрирует сравнительно негативное отношение к мигрантам. В их числе оказались государства, через которые проходили основные транзитные маршруты миграции – Венгрия (ранг = 1), Австрия (ранг = 6), Италия (ранг = 7), Сербия (ранг = 8). Население этих стран постоянно сталкивается с последствиями нелегальной миграции, что во многом и предопределяет установки респондентов. Здесь также оказались страны, сравнительно слабо затронутые основными потоками, – Чехия (ранг = 2), Болгария (ранг = 3), Словакия (ранг = 4), Литва (ранг = 9).

В ряде случаев установки населения можно связать с этнической однородностью принимающего социума, наличием устойчивых негативных этнических стереотипов. Отметим, что в постсоциалистических государствах в отличие от стран Западной Европы не настолько сильно актуализируется потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов, при этом ярко выражено нежелание обременять дополнительной нагрузкой систему социального обеспечения. Полученные результаты позволяют констатировать, что среди населения России по сравнению с большинством европейских стран (ранг = 5) широко распространено негативное отношение к мигрантам. Такой вывод в целом соотносится с результатами других исследований [23, 24].

Для иллюстрации того, что собой представляет полученный нами ранг каждой страны после ранжирования средних значений интегративного показателя, обратимся к процентному выражению отношения респондентов к мигрантам в четырех выбранных для примера странах (табл. 2).

Таблица 2. Процентное выражение отношения респондентов к мигрантам в четырех странах, % опрошенных в стране

Ранг	Страна	Негативное	Скорее негативное	Скорее позитивное	Позитивное	Итого
01	Венгрия	57,8	19,3	13,5	9,3	100
05	Россия	37,1	28,6	22,8	11,6	100
14	Польша	24	26,2	25,8	24,1	100
27	Албания	7,2	11,1	18,5	63,2	100

В Венгрии (ранг = 1) и России (ранг = 5) имеет место закономерность: чем хуже отношение респондента к мигрантам, тем больше таких респондентов в стране. При этом большинство респондентов относятся к мигрантам негативно. Албания (ранг = 27) демонстрирует обратную закономерность: чем позитивнее отношение респондента к мигрантам, тем больше таких респондентов в стране. В Польше (ранг = 14) распределение близко к равномерному.

Стратегии межкультурного взаимодействия со стороны принимающего сообщества

О стратегиях межкультурного взаимодействия представителей принимающего сообщества и мигрантов отчасти позволяет судить распределение ответов на вопрос Q 52D (см. табл. 1). Шкала вопроса образует два полюса, которые можно интерпретировать как *ассимиляцию* (оптимально, что мигранты отказываются от своих обычаев и традиций и придерживаются норм и ценностей новой культуры) и *сохранение культурного наследия* (оптимально, что мигранты сохраняют свои обычаи и традиции) [25]. Сохранение возможно в разных формах от *мультикультурализма*, предполагающего включение в культурное поле культур мигрантов, до отсутствия смешения различных культурных групп между собой, проявляющегося в *изоляции (исключении)* мигрантов, их отторжении от различных сфер жизни общества [26, 27].

Отметим, что использование в факторном анализе дополнительной переменной Q 52D приводило к нарушениям идентичности факторного решения для национальных выборок¹. Это обосновывает целесообразность отдельного рассмотрения указанной переменной (рис. 2).

Обращает на себя внимание, что средний балл в большинстве европейских стран стремится к середине шкалы (5,5 балла)². В 20 странах отклонение среднего арифметического от середины шкалы не превышает 1,33 балла. Согласованность оценок объясняется наличием единого культурного пространства в современной Европе. За редкими исключениями существенная часть респондентов демонстрирует взвешенную позицию, понимая необходимость определенного компромисса между полярными точками зрения. Отметим, что рассматриваемый показатель оказался меньше середины шкалы только в Албании, Сербии, Литве, Хорватии и Румынии. Иными словами, население

¹ В странах, где переменная Q 52D все же попадала в главный фактор до вращения, в большинстве случаев она имела сравнительно низкую факторную нагрузку. Например, Беларусь (–0,288), Франция (–0,283), Болгария (–0,326), Румыния (–0,334) и т.д.

² Стандартное отклонение в абсолютном большинстве стран не превышает трех баллов. Минимальные значения показателя фиксируются в Норвегии (SD = 2,06), Швеции (SD = 2,19), Нидерландах (SD = 2,22), Финляндии (SD = 2,24), а максимальных значений достигают в Румынии (SD = 3,62).

перечисленных стран допускает параллельное существование культур принимающего сообщества и мигрантов.

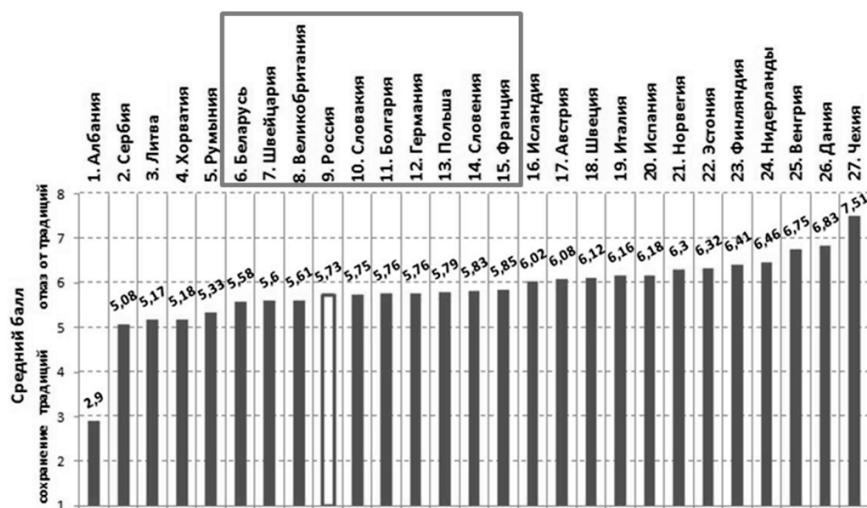

Рис. 2. Стратегии межкультурного взаимодействия со стороны принимающего сообщества (средний балл, от 1 балла – для общества лучше сохранение традиций мигрантов до 10 баллов – для общества лучше отказ от традиций мигрантов)

Показательно, что на сохранение культурного наследия мигрантов больше ориентированы респонденты из постсоциалистических стран (ранги 1–6) со сравнительно низким уровнем жизни, которые не рассматриваются иммигрантами как пункты конечного пребывания. Эти страны либо являются точками транзита на «балканском маршруте» (Сербия, Хорватия, в меньшей степени Албания), либо удалены от основных путей миграции (Литва, Румыния, Беларусь).

На общеевропейском фоне существенно выделяется Албания (2,9 балла), являясь своего рода «выбросом», что свидетельствует об ее уникальном положении в европейском культурном поле. Страна характеризуется сравнительно небольшой культурной дистанцией принимающего сообщества и мигрантов – ислам в государстве является преобладающей религией. Таким образом, срабатывает эффект «воспринимаемого сходства» [28] – чем больше мигранты воспринимаются принимающим сообществом как похожие, тем позитивней к ним относятся. Очевидно, что население страны не видит угрозы в сохранении мигрантами своего культурного уклада.

Жителям большинства стран – участниц проекта более привлекательной в качестве стратегии межкультурного взаимодействия представляется ассимиляция. Последнее сквозь призму общественного мнения подтверждает неоднократно высказываемый европейскими политиками тезис о провале политики мультикультурализма [29–31]. Полученные результаты иллюстрируют, что политика, направленная на сохранение и развитие культурных различий мигрантов и принимающего сообщества, не находит широкой поддержки среди европейцев.

В правой части рис. 2 расположились государства, население которых в большей мере уверено в целесообразности отказа мигрантов от своих обычаев и традиций – Чехия, Дания, Венгрия, Нидерланды, Финляндия, Эстония,

Норвегия. Установки россиян (5,73 балла; SD = 2,75) существенно не выделяются на европейском фоне. Средний балл в России статистически значимо не отличается от девяти европейских государств, отмеченных рамкой на рис. 2.

Угроза культуре как детерминанта отношения к мигрантам

Выявление зависимости между отношением коренного населения к мигрантам и ощущением угрозы культуре потребовало проведения корреляционного анализа¹ между рассчитанным ранее интегративным показателем и переменной Q 52D. Подразумевается, что символическая угроза проявляется в отсутствии уверенности в сохранности культуры коренного населения, несоблюдении мигрантами принятых норм поведения и традиций, культурном обособлении мигрантов, что в крайней форме может привести к возникновению замкнутых национальных анклавов. Актуализация угрозы культуре принимающего сообщества сопряжена с выбором в качестве предпочтительной стратегии взаимодействия ассимиляции, подразумевающий отказ мигрантов от своих обычаев и традиций и усвоение ценностей доминантной культуры или сегрегации выражающейся в изоляции культурной группы.

В подавляющем большинстве европейских стран обнаружена теоретически обоснованная статистически значимая ($p < 0,001$) обратная корреляционная зависимость. Иными словами, чем позитивнее отношение населения к мигрантам, тем больше уверенность респондентов в пользе для общества сохранения приезжими своих обычаев и традиций и наоборот негативные установки связаны с предпочтением стратегии ассимиляции (рис. 3). Только в Польше корреляция отсутствует, а в Сербии и Литве слабая зависимость имеет прямое направление.

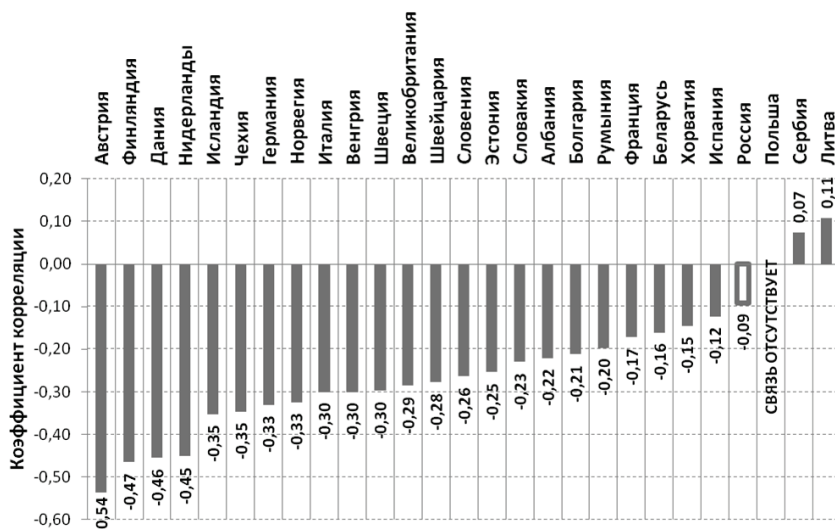

Рис. 3. Корреляционная зависимость между отношением населения европейских стран к мигрантам и стратегией межкультурного взаимодействия (значение коэффициента корреляции). Коэффициент корреляции может принимать значения от «0» – признаки независимы, до «1» (по модулю) – последовательности рангов полностью совпадают

¹ Вычислялся ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

В Литве, Сербии, России, Беларуси, Хорватии на фоне скорее негативно-го или нейтрального по европейским меркам отношения к мигрантам влияние культурной угрозы на установки респондентов не очень велико, как упоминалось ранее, в Польше значимая связь отсутствует. Бывшие республики Югославии являются частью транзита, а не местом конечного назначения. Остальные страны миграционный кризис в полной мере не затронул. Похожая ситуация только при выраженных позитивных установках населения характерна для Испании.

Сильнее всего символическая угроза детерминирует отношение к мигрантам в Австрии, Финляндии, Дании, Нидерландах. Немного слабее выявленная зависимость в Германии, Норвегии, Италии, Швеции, Великобритании, Швейцарии – странах, принявших основные миграционные потоки. При сильно выраженном негативизме по отношению к мигрантам волнует сохранение собственной культуры жителей Чехии и Венгрии, в несколько ослабленном виде картина повторяется в Словакии и Болгарии.

Заключение

Проведенный факторный анализ позволил рассчитать интегративный показатель, характеризующий отношение коренного населения к мигрантам. Чем больше представители принимающего сообщества убеждены в позитивном влиянии мигрантов на развитие страны, согласны с тем, что иммигранты не являются источником экономической (конкуренция на рынке труда, обременение системы социального обеспечения) и физической (рост преступности) угрозы, тем позитивнее отношение к ним.

Результаты исследования свидетельствуют, что европейские страны дифференцированы в зависимости от установок населения по отношению к мигрантам. Выявленные различия обусловлены действием комплекса взаимосвязанных факторов – географическое положение страны, масштабы миграционных потоков, этническая однородность принимающего социума, наличие опыта приема мигрантов и др. Можно констатировать, что на общеевропейском фоне в России сравнительно широко распространено негативное отношение к мигрантам.

Жителям большинства стран – участниц проекта более привлекательной в качестве стратегии межкультурного взаимодействия с мигрантами представляется ассимиляция. Политика, направленная на сохранение и развитие культурных различий мигрантов и принимающего сообщества, не находит широкой поддержки среди европейцев. Это аргумент в пользу тезиса о кризисе политики мультикультурализма в Европе. В то же время весьма существенная часть респондентов демонстрирует взвешенную позицию, не отдавая явного предпочтения той или иной стратегии взаимодействия. Установки россиян существенно не выделяются на европейском фоне.

В подавляющем большинстве европейских стран выявлена статистически значимая корреляционная зависимость – чем позитивнее отношение населения к мигрантам, тем больше уверенность респондентов в пользе для общества сохранения приезжими своих обычаев и традиций. Отсутствие уверенности в сохранности культуры коренного населения, несоблюдении мигрантами принятых норм поведения и традиций обуславливает выбор стратегии ассимиляции, связанный с негативным отношением к мигрантам. В России выявленная корреляция проявляется сравнительно слабо.

В заключение отметим, что в настоящей публикации рассмотрены лишь некоторые аспекты затрагиваемой проблематики. Перспективным представляется проведение множественного регрессионного анализа с целью выявления факторов неприятия мигрантов принимающим сообществом.

Литература

1. Вишневский А. Новая роль миграции в демографическом развитии России // Российский совет по международным делам. 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-rol-migratsii-v-demograficheskom-razvitii-rossii/> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Плоских Е.В., Межерский В.П. Влияние миграции на демографический потенциал // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14, № 3. С. 179–183.
3. Лузина Т.В., Елфимова О.С. Проблемы миграционной безопасности и региональные тенденции миграционных процессов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2019. № 1 (46). С. 213–221.
4. Троицкая О.В. Управление миграцией и безопасность: опыт развитых стран // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 97–112.
5. Силантьева В.А. Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3–1. С. 22–27.
6. Янковская Е.С. Система национальной безопасности и международная миграция // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 79–84.
7. Lucini B. Security, resilience and migration: a sociological analysis. Lessons learned from the Federal Republic of Germany // Sicurezza, terrorismo e societa. 2016. № 3. P. 41–60.
8. Risk Analysis for 2017. European Borders and coast guard agency. Warsaw, 2017. 60 p. DOI: 10.2819/94559
9. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения // Социальный бюллетень. № 11. Май 2018. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16774.pdf> (дата обращения: 14.10.2020).
10. Миграционные процессы и проблемы адаптации / отв. ред. В.В. Константинов. Пенза : ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. 184 с.
11. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. 2017. № 6. С. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79
12. Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated threat theory of prejudice // Reducing Prejudice and Discrimination / ed. S. Oskamp. Mahwah (New Jersey) : Lawrence Erlbaum Associates, 2000. P. 23–45.
13. Stephan W.G., Renfro C.L. The role of threat in intergroup relations / From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups. D.M. Mackie, E.R. Smith (Eds.). 2002. New York : Psychology Press, P. 191–207.
14. Ward C., Masgoret A.M. An integrative model of attitudes towards immigrants // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30 (6). P. 671–682.
15. Allport G.W. The nature of prejudice. New York : Basic books, 1979.
16. Pettigrew T.F., Tropp L.R. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. New York : Psychology Press, 2012.
17. Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183–214.
18. Рейтинг стран по уровню умышленных убийств. Информационный портал NoNews. Режим доступа: <https://nonews.co/directory/lists/countries/killer> (дата обращения: 14.10.2020).
19. Wage Statistics, Q1 – 2019 // The Institute of Statistics (INSTAT). URL: <http://www.instat.gov.al/en/themes/labour-market-and-education/wages/publications/2019/wage-statistics-q1-2019/> (дата обращения: 14.10.2020).
20. Синицына И.С. Международная трудовая миграция в Центральной и Юго-Восточной Европе // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 103–119.
21. Албания приглашает мигрантов! // Русские Афины. 30.09.2019. URL: <https://rua.gr/news/migrantskij-front/32910-albaniya-priglasiaet-migrantov.html> (дата обращения: 14.10.2020).

22. *Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data (rounded)* // Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_asyappctza&lang=en (дата обращения: 14.10.2020).
23. *New Index Shows Least-, Most-Accepting Countries for Migrants* // Gallup. 23.08.2017. Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/216377/new-index-shows-least-accepting-countries-migrants.aspx> (дата обращения: 14.10.2020).
24. Донцов А.И., Зеленев И.А., Прохода В.А. Макросоциальная динамика и этническая толерантность/ интолерантность в современных Европе и России // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 75–93.
25. *Moghaddam F.M.* Individualistic and collective integration strategies among immigrants: Toward a mobility model of cultural integration // *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners* / eds. J.W. Berry, R.C. Annis. Amsterdam, 1988. P. 69–79.
26. *Berry J.W.* Acculturative Stress // *Psychology and Culture* / eds. by W.J. Lonner, R.S. Malpass. New York, 1994.
27. *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России* / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
28. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М., 2007. 382 с.
29. Саркози признал провал политики мультикультурализма // РИА Новости. 11.02.2012. URL: <https://ria.ru/20110211/333034181.html> (дата обращения: 14.10.2020).
30. *Merkel says German multicultural society has failed* // BBC News. 17.10.2010. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-11559451> (accessed: 14.10.2020).
31. *State multiculturalism has failed, says David Cameron* // BBC News. 05.02.2011. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-12371994> (дата обращения: 14.10.2020).

Vladimir A. Prokhoda, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: prohoda@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 151–163.

DOI: 10.17223/1998863X/60/14

ATTITUDE TOWARDS MIGRANTS AND STRATEGIES OF INTERCULTURAL INTERACTION IN RUSSIA AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES

Keywords: migration; migrants; attitude towards migrants; strategies of intercultural interaction.

The study aims to identify the attitude of the population of Russia and of other European states towards migrants, to determine the strategies of intercultural interaction that are preferable for the host community. The publication is based on a secondary analysis of the materials of a cross-country sociological study, European Values Study (2017). Data for 27 countries were analyzed. The conceptual framework is the complex threat theory, which describes the main components of the perceived threat, leading to prejudice between social groups. To identify the latent variable characterizing the attitude of respondents to migrants, a factor analysis procedure was used. An integrative indicator was calculated that characterizes the attitude of the indigenous population towards migrants. The more the representatives of the host community are convinced of the positive impact of migrants on the development of the country and agree that immigrants are not a source of economic (competition in the labor market, burdening the social security system) and physical (growth in crime) threats, the more positive the attitude towards them is. The study showed that European countries are differentiated depending on the attitudes of the population towards migrants. The revealed differences are due to the action of a set of interrelated factors – the geographic location of the country, the scale of migration flows, the experience of receiving migrants, etc. In Russia, as compared to most European countries, a negative attitude towards migrants is more pronounced. Policies aimed at preserving and developing cultural differences between migrants and the host community do not find wide support among Europeans. Residents of most countries participating in the project see assimilation as a more attractive strategy of intercultural interaction with migrants. At the same time, a significant part of Europeans demonstrate a balanced position, not giving a clear preference for one or another interaction strategy. The attitudes of Russians do not stand out against the general background. A statistically significant correlation was revealed between the positive attitude of the population towards migrants and the respondents' confidence in the benefit to society from newcomers' preserving their customs and traditions. The lack of such confidence determines the choice of an assimilation strategy associated with a negative attitude towards migrants. The revealed correlation is weak in Russia.

References

1. Vishnevskiy, A. (2013) *Novaya rol' migratsii v demograficheskom razvitii Rossii* [The new role of migration in the demographic development of Russia]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-rol-migratsii-v-demograficheskom-razvitii-rossii/> (Accessed: 14th October 2020).
2. Ploskikh, E.V. & Mezheritskiy, V.P. (2014) Vliyanie migratsii na demograficheskiy potentsial [Impact of migration on demographic potential]. *Vestnik KRSU – Herald of KRSU*. 14(3). pp. 179–183.
3. Luzina, T.V. & Elfimova, O.S. (2019) Problemy migratsionnoy bezopasnosti i regional'nye tendentsii migratsionnykh protsessov [Problems of migration security and regional trends in migration processes]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*. 1(46). pp. 213–221.
4. Troitskaya, O.V. (2012) Upravlenie migratsiei i bezopasnost': opyt razvitykh stran [Migration Management and Security: Experience of Developed Countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika – Moscow University Bulletin of World Politics*. 4. pp. 97–112.
5. Silantieva, V.A. (2016) Regulirovanie migratsionnykh protsessov kak osnova natsional'noy bezopasnosti Rossii [Regulation of migration processes as the basis of the national security of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Socio-Educational Idea*. 8(3–1). pp. 22–27. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-22-27
6. Yankovskaya, E.S. (2014) Sistema natsional'noy bezopasnosti i mezhdunarodnaya migratsiya [The system of national security and international migration]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 4(25). pp. 79–84.
7. Lucini, B. (2016) Security, resilience and migration: a sociological analysis. Lessons learned from the Federal Republic of Germany. *Sicurezza, terrorismo e societa*. 3. pp. 41–60.
8. European Borders and Coast Guard Agency. (2017) *Risk Analysis for 2017*. Warsaw: [s.n.]. DOI: 10.2819/94559
9. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2018) Migratsiya naseleniya v Rossii: tendentsii, problemy, puti resheniya [Migration of the population in Russia: trends, problems, solutions]. *Sotsial'nyy byulleten'*. 11. [Online] Available from: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16774.pdf> (Accessed: 14th October 2020).
10. Konstantinov, V.V. (2009) *Migratsionnye protsessy i problemy adaptatsii* [Migration processes and problems of adaptation]. Penza: Penza State Pedagogical University.
11. Mukomel, V.I. (2017) Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages. *Statistika i Ekonomika – Statistics and Economics*. 6. pp. 69–79. (In Russian). DOI:10.21686/2500-3925-2017-6-69-79
12. Stephan, W.G. & Stephan, C.W. (2000) An integrated threat theory of prejudice. In: Oskamp, S. (ed.) *Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah (New Jersey): Lawrence Erlbaum Associates. pp. 23–45.
13. Stephan, W.G. & Renfro, C.L. (2002) The role of threat in intergroup relations. In: Mackie, D.M. & Smith, E.R. (eds) *From prejudice to inter-group emotions: Differentiated reactions to social groups*. Psychology Press. pp. 191–207.
14. Ward, C. & Masgoret, A.M. (2006) An integrative model of attitudes towards immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*. 30(6). pp. 671–682. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.02.001
15. Allport, G.W. (1979) *The Nature of Prejudice*. New York: Basic books.
16. Pettigrew, T.F. & Tropp, L.R. (2012) *When groups meet: The dynamics of intergroup contact*. New York: Psychology Press.
17. Varshaver, E.A. (2015) Teoriya kontakta: obzor [Contact theory: an overview]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 183–214.
18. NoNews. (n.d.) *Reyting stran po urovnyu umyshlennykh ubiystv* [Rating of countries by the level of premeditated murders]. [Online] Available from: <https://nonews.co/directory/lists/countries/killer> (Accessed: 14th October 2020).
19. The Institute of Statistics (INSTAT). (2019) *Wage Statistics, Q1 – 2019*. [Online] Available from: <http://www.instat.gov.al/en/themes/labour-market-and-education/wages/publications/2019/wage-statistics-q1-2019/> (Accessed: 14th October 2020).
20. Sinitsyna, I.S. (2017) The International Labour Migration of Population from Central and South-Eastern Europe. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 1(94). pp. 103–119. (In Russian). DOI: 10.31249/rsm/2017.01.08

21. *Russkie Afiny*. (2019) Albaniya priglashaet migrantov! [Albania invites migrants!]. 30th September. [Online] Available from: <https://rua.gr/news/migrantskij-front/32910-albaniya-priglashaet-migrantov.html> (Accessed: 14th October 2020).
22. Eurostat. (n.d.) *Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex. Annual aggregated data (rounded)*. [Online] Available from: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_asyap-pctza&lang=en (Accessed: 14th October 2020).
23. *Gallup*. (2017) New Index Shows Least-, Most-Accepting Countries for Migrants. 23rd August. [Online] Available from: <https://news.gallup.com/poll/216377/new-index-shows-least-accepting-countries-migrants.aspx> (Accessed: 14th October 2020).
24. Dontsov, A.I., Zelenev, I.A. & Prokhoda, V.A. (2019) Makrosotsial'naya dinamika i etnicheskaya tolerantnost' / intolerantnost' v sovremennykh Evrope i Rossii [Macrosocial dynamics and ethnic tolerance / intolerance in modern Europe and Russia]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 75–93.
25. Moghaddam, F.M. (1988) Individualistic and collective integration strategies among immigrants: Toward a mobility model of cultural integration. In: Berry, J.W. & Annis, R.C. (eds) *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners*. Amsterdam: Swets & Zeitlinger. pp. 69–79.
26. Berry, J.W. (1994) Acculturative Stress. In: Lonner, W.J. & Malpass, R.S. (eds) *Psychology and Culture*. New York: Pearson.
27. Lebedeva, N.M. & Tatarko, A.N. (2009) *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii* [Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia]. Moscow: Russian University of People's Friendship.
28. Triandis, G.K. (2007) *Kul'tura i sotsial'noe povedenie* [Culture and Social Behavior]. Translated from English. Moscow: Forum.
29. RIA Novosti. (2012) *Sarkozi priznal proval politiki mul'tikul'turalizma* [Sarkozy admitted the failure of multiculturalism policy]. 11th February. [Online] Available from: <https://ria.ru/20110211/333034181.html> (Accessed: 14th October 2020).
30. BBC News. (2010) *Merkel says German multicultural society has failed*. 17th October. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-11559451> (Accessed: 14th October 2020).
31. BBC News. (2011) *State multiculturalism has failed, says David Cameron*. 5th February. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-12371994> (Accessed: 14th October 2020).